# ЭТЮДЫ О СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

*М.Г. Писманик*

Составляющие большинство и доминирующие в общей религиозной структуре страны *традиционные исповедания* еще не вполне оправились от насильственной секуляризации в советском обществе, длительных и интенсивных гонений и огромного ущерба, нанесенного их нормальному функционированию. Традиционные религии и по сей день не вполне вышли из своеобразного «реабилитационного состояния», несмотря на стремление взять «реванш» и интенсивное вторжение едва ли не во все сферы жизни светского государства. Ход «реабилитации» не линеен, и в религиозных процессах России вероятны новые, пока непредсказуемые тенденции. Но именно продолжение «реванша» мы полагаем ведущей тенденцией традиционных исповеданий, не сомневаясь в том, что она сохранится на ближайшее время, поскольку заметно опирается на использование «административного ресурса».

Российское общество начинает постепенно выходить из системного кризиса. Заметно укрепляется его социальная стабильность, возрастает авторитет в глазах мировой общественности, несколько снижается бедность и в какой-то мере ослабевает действие основных факторов взлета религиозности. Хотя еще далеко до преодоления духовного упадка, все-таки массовое сознание начинает постепенно выходить из «шокового состояния». Умонастроения, на наш взгляд, будут меняться вслед за усилением позитивных тенденций. При этом, видимо, у многих людей ситуативная приверженность к культу исподволь будет ослабевать, а у какой-то части тех, кто ныне колеблется в отношении к религии, вектор качнется к светскому ориентиру.

Хотя и медленно, но в не столь отдаленном будущем будет количественно снижаться ныне приблизившийся к своему пределу (до 80%) уровень религиозности в российском обществе. Вероятно, он будет падать преимущественно за счет тех верующих, кто обратился к культу под влиянием эмоций и моды. Однако немалая часть новообращенных будет укрепляться в вере и в том же духе воспитывать своих детей. Вероятны дальнейшие типологические перемены в структуре религиозности за счет прироста доли убежденных верующих.

Ведущие традиционные религии, вслед за православием теоретически оснастив за последнее десятилетие свои социальные концепции, несомненно, будут функционировать более эффективно. Скорее всего, в ближайшие годы не ослабнут ни

миссионерская деятельность, ни пропаганда религии в средствах массовой информации. Одновременно следует ожидать возрастания интенсивности и эффективности церковных проповедей. Несомненно, увеличится количество пятничных, субботних и воскресных приходских школ для детей и взрослых, умножится число «библейских курсов». Духовные семинарии, вузы и академии, получившие право на государственный диплом, усилят и более солидно оснастят богословскую и проповедническую подготовку религиозных служителей. Очень вероятно также более энергичное внедрение Закона Божия и теологии в светскую среднюю и высшую школу. Эти инновации увеличат число убежденных верующих, разбирающихся в догматах, способных обосновать свои взгляды и особенно консолидировать религиозные общины. В то же время названные инновации внесут дополнительное напряжение в «мировоззренческий климат» постсоветского общества, в частности, спровоцируют рецидивы грубой антирелигиозной фобии[1].

Исследования свидетельствуют, что практически во всех регионах России заметно возросло конкурирующее влияние *новых религий*, которые за минувшие два десятилетия отчасти адаптировались к постсоветским реалиям. В большинстве этих новообразований (прежде всего в неопротестантских общинах) особенно заметно преобладает группа убежденных верующих, что придает этим религиям большую устойчивость. Исследования также указывают на возросшее влияние разнообразных *вневероисповедных мистических течений и школ*.

Как религиозные новообразования, так и вневероисповедные сакральные сообщества, в первую очередь будут и впредь ориентированы на подрастающее поколение. Для его привлечения они используют притягивающие молодежь экзотические и другие новации. Маловероятно, чтобы новые религии и мистические течения в ближайшее время смогли заметно модифицировать традиционную для России религиозность. Но их влияние на отдаленное будущее может стать сильнее, в частности, в составе студенчества и творческой интеллигенции[2].

---

[1] О ведущих тенденциях в динамике отечественной религиозности см.: *Мчедлов М.П.* Религиведческие очерки. М., 2005 (раздел «Тенденции закрепляются»); *Писманик М.Г.* Религиоведение. М., 2009 (раздел «Социальные перспективы религии»).

[2] О феномене роста религиозного многообразия в постсоветской России, динамике появления и эволюции новых религиозных движений см.: Двадцать лет религиозной свободы в России. М., 2009 (статьи С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина); Сведения о религиозных организациях, зарегистрированных в Российской Федерации (приложение) // Религии России: учебн., справочно-аналитич. пособие / под общ. ред. О.Ю. Васильевой, В.В. Шмидта. М., 2009. С. 104–105.

* * *

К настоящему времени в стране завершилось становление неведомой советским временам *религиозной общественности.* Феномен обрел несомненную перспективу как на ближайшее время, так и на отдаленное будущее, поскольку сопряжен с нарастающими в постсоветском обществе настроениями провиденциализма, утратой веры в прогресс и «социальным консерватизмом».

Эта своеобразная общность (включает в себя все более заметную часть духовенства и приходского актива разных конфессий, а также обширные круги интеллигенции и религиозно ориентированных предпринимателей), заметно дистанцирующаяся от неверующих сограждан, находится под постоянным клерикальным влиянием и постепенно консолидируется в подобие своеобразной и весьма претенциозной корпорации, скрепленной единым мировоззрением, но еще более – близостью социально-политических установок, интересов и расположений.

Идейное ядро религиозной общественности составляют консервативные ученые и политики, публицисты и деятели культуры. Общность институирована в виде нескольких общественно-политических и национальных движений (преимущественно правой ориентации) и значительного числа просветительских и благотворительных объединений, «сестричеств» и «братств». Имея своих представителей в ряде официальных структур, религиозная общественность постепенно превращается в относительно самостоятельный и довольно влиятельный актор воздействия не только на состояние массового сознания, но и на принятие властью важных решений, отчасти на ход их реализации.

Входящие в эту общность интеллигенты в свою очередь часто идентифицируют себя в качестве самобытной когорты. Религиозная интеллигенция (более всего творческие слои) заметно тяготеет к вероисповедному достоянию отечественной и мировой культуры и насыщает окружающую духовную атмосферу, внося сюда как теологизированные знания, так и особый энтузиазм. В составе когорты первенствуют приверженцы православной религии, представлены и другие христианские и нехристианские конфессии.

По нашим наблюдениям, это по большей части воцерковленные ортодоксы своего исповедания. Но, как и в составе религиозной части студенчества, здесь немало мистиков и тех, кто считает себя «христианами вообще», а то и «верующими вообще». Несмотря на эту пестроту, религиозная интеллигенция скреплена не только сходством мировоззрения, но и близостью ценностных ориентаций, часто взаимной симпатией, а особенно – свойственным ей духом элитарности.

Пока не консолидированная, но уже втянутая в состав религиозной общественности, эта когорта, несомненно, обладает дальней перспективой. Ее авторитет прежде всего нарастает в окружении единоверцев. Но и за этим окружением религиозная когорта становится все более влиятельной в своей профессиональной среде, интенсивно воздействуя на мировоззрение, ценностные ориентации, содержание деятельности и творчества своих нерелигиозных коллег. Когорта пока не ориентирована на самостоятельную политическую деятельность, но, на наш взгляд, уже в ближайшее время будет притязать на более заметную роль не только в сфере культуры и искусства, но и в просветительской сфере.

Изменения уровня религиозности в стране различны по конфессиям и сопровождаются определенными напряжениями между ними. Общеизвестно, что *православие* и поныне остается наиболее авторитетной, влиятельной и самой многочисленной религией в стране. Так, в русскоязычном Пермском крае 91% лиц, обозначивших свое вероисповедание, указали на православие. Правда, его количественное преобладание несколько снижается в конкуренции с другими конфессиями. В этой конкуренции некоторые из иных конфессий (особенно зарубежного происхождения) сегодня опираются на весьма значительные финансовые возможности, богатейший проповеднический и миссионерский опыт.

Несмотря на повсеместно возрастающие распри между многочисленными мусульманскими духовными управлениями, муфтиятами и иными центрами, влияние *ислама* в стране будет, по-видимому, нарастать. Это связано как с более высокой рождаемостью в мусульманских семьях, так и с большей *пассионарностью* этой религии, простотой и доступностью ее обрядовых установлений, ее глубокой сопряженностью с самим образом жизни мусульман и особой устойчивостью перед иноверием. Обратим внимание и на заметное в последние годы возрастание обращений в ислам представителей не традиционных для него этносов.

Судя по исследованиям С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина о «практикующих верующих», влияние *российского буддизма* в регионах его традиционного распространения близко к среднему уровню религиозности по стране и, видимо, довольно устойчиво на близкую перспективу. Пока неясно, в какой мере окрепнут

либо ослабеют ныне модные увлечения *необуддизмом* в интеллигентской среде.

Что же до *российского иудаизма*, то, на наш взгляд, его перспективы вызывают серьезные сомнения. Похоже, действительно убежденные и наиболее консервативные приверженцы иудаизма в большинстве своем уже эмигрировали на «историческую родину». Уровень религиозности российских евреев (особенно в молодом и среднем возрастах), по нашим данным, значительно ниже среднего. Основные причины тому – крайняя архаичность культа иудаизма и высокий уровень ассимиляции евреев. Также обратим внимание на симптоматично возрастающая в последние годы численность случаев обращения еврейских интеллигентов к христианству.

Общую религиозную «пассионарность» снижают напряжения внутри традиционных конфессий (например, между православием и католицизмом; между общинами консервативного иудаизма и хасидизма). Но значительно чаще, интенсивнее и острее протекают конфликты между традиционными и новыми религиями. Последние, по нашим наблюдениям, с большим трудом адаптируются к современной российской действительности. Им значительно сложнее, чем другим, отыскать нишу в социальном окружении, где их нередко принимают за «тотальные» секты.

И все же преимущественными причинами межконфессиональных напряжений и конфликтов являются частые, почти неустранимые в разных исповеданиях проявления нетерпимости из-за вероисповедных и культовых расхождений, особенно из-за миссионерских столкновений и прозелитизма. Похоже, что межконфессиональные напряжения и конфликты останутся уделом ближней и дальней перспективы. Это особенно тревожно, когда в числе важнейших задач – поддержание и укрепление социальной стабильности постсоветского общества.

Вызывает беспокойство нарастающая *политизация религии*. Руководители ведущих конфессий обычно дистанцируются от участия в «политических играх», хотя так бывает далеко не всегда. Но именно такого участия вожделеют весьма влиятельные в ряде конфессий *поборники клерикализма*. Политизация религии зачата, выношена и выпестована в замыслах и интригах клерикалов. На наш взгляд, эти последние не менее других деструктивных функционеров провоцируют монархические, экстремистские, националистические эксцессы и явные или завуалированные попытки нарушения светского статуса государства.

Укажем также на усиливающуюся тревожную и стойкую тенденцию, порожденную атмосферой рыночного беспредела, – это *коммерциализация* жизни множества религиозных общин. Такое стало возможным на почве злоупотреблений ими правом юридического лица, осуществления «теневых сделок», использования

налоговых льгот и иных преференций. Коммерциализация не только компрометирует в глазах общественности религиозные объединения и их руководителей – она *смещает самое веру в Бога – к выгоде, к поклонению мамоне,* чем оскверняет святость вероучения и оскорбляет религиозные чувства прихожан.

Еще одна новая и, на наш взгляд, перспективная тенденция отечественной религиозности – это действенное включение многих конфессий в различные сферы социальной и культурной жизни общества. Духовенство и религиозные активисты решительнее выходят за пределы храмов и молитвенных домов. Они все чаще организуют полурелигиозные-полусветские объединения и стремятся сильнее влиять на жизнь учреждений образования и культуры, на деятельность средств массовой информации. В какой-то мере религиозные организации принимают на себя почти упущенную государством *просветительскую функцию*.

Но именно сегодня стал очевидным для российской общественности *гуманистический потенциал* религии и религиозных организаций. Это различные формы благотворительности и милосердия: восстановление памятников культуры, поддержка экологических инициатив и движений, противостояние аморальным проявлениям в обществе, дежурство у «телефонов доверия», содействие в перевоспитании заключенных и т. д. Тенденция имеет несомненную ближнюю и дальнюю перспективу.

Еще одна перспективная новация – резко возросшие зарубежные контакты отечественных (как традиционных, так и, особенно, новых) конфессий с иностранными религиозными и светскими культурными центрами, с экологическими и просветительскими организациями. Чаще всего такие контакты инициируются с зарубежными единоверцами, иногда экуменическими объединениями. Сами по себе такие контакты (если в них отсутствуют мотивы прозелитизма или иные негативные компоненты) – нормальное явление для открытого общества, гарантирующего и реализующего свободу вероисповеданий. Важно, чтобы эта новация не размывала преимущественную ориентацию российских религиозных объединений на отечественные социальные, культурные и нравственные ценности.

Исследования подтверждают, что большинство религиозных и нерелигиозных граждан едины в своей поддержке разрешения проблем жизни России, демократических реформ. Религиозные граждане высказывают удовлетворение свободой в выборе вероисповеданий и установлением реальных конституционных гарантий осуществления культа. Респонденты считают нормой свободное ведение в обществе как религиозной, так и атеистической пропаганды, не содержащей оскорбления убеждениям и чувствам граждан. По-видимому, это устойчивое

умонастроение как светской, так и религиозной общественности.

Стабильности российского общества наносят ущерб социально-политические противостояния, «резонирующие» в религиозной сфере. Консервативные эксцессы со стороны политических ретроградов провоцируют проявления *религиозного фундаментализма.* Идеи фундаментализма созвучны ксенофобии. Они вносят напряжение в духовную жизнь России, питают националистические и иные экстремистские тенденции, проявления нетерпимости, фанатизма и навязывают обществу модель всеобщего воцерковления россиян – бесперспективный клерикальный вариант «возвращения к истокам».

В последние годы наиболее дальновидными отечественными гуманитариями практикуются просветительские и толерантные *мировоззренческие встречи-диалоги* между верующими и неверующими согражданами.

Примеры таких удачных и планомерных встреч верующих и неверующих дает шестнадцатилетняя деятельность Пермского городского клуба студенчества и интеллигенции[3].

Свободные от формализованной академичности, педагогически и методически оснащенные, руководимые компетентными и заинтересованными людьми, такие диалоги стали крайне необходимыми в мультикультурном и поликонфессиональном постсоветском обществе, пребывающем в разномыслии и духовном смятении. В отличие от деструктивных, воинственных и лишь ожесточавших оппонентов антирелигиозных диспутов недавних советских времен такие диалоги помогают нашим согражданам проникнуться сознанием глубокой общности их базовых гражданских, культурных и нравственных ценностей.

Таким образом устраняются мировоззренческие предрассудки массового сознания, преодолеваются ксенофобия и другие негативные идеологические установки, а это содействует восстановлению и укреплению патриотического и гражданского единения религиозных и нерелигиозных россиян, созданию условий для поддержания социальной стабильности в стране.

Своеобразную концептуальную модель для внедрения и организации мировоззренческих диалогов может дать по крайней мере десятилетний опыт проведения совместных научных конференций и дискуссий между светскими учеными и теологами. Такой опыт накоплен Институтом философии РАН, Российской академией государственной службы при Президенте Российской Федерации, МГУ им.

[3] Текущая работа клуба «Диалог» была описана в посвященном ему сборнике – см.: Очаг толерантности. Пермь, 2004.

М.В. Ломоносова и другими столичными и региональными научными центрами и вузами.

Свой вклад в этот совокупный опыт внесла и пермская школа философов, религиоведов и культурологов, которая с 2003 г. провела пять федеральных и международных симпозиумов ученых и теологов. В настоящее время на базе Пермского государственного института искусства и культуры готовится уже шестой международный диалог. Он намечен на 12 мая 2011 г., его тема «Свобода совести и культура духовности».

Накопленный за минувшее десятилетие совокупный опыт научных диалогов ученых и теологов, по нашему глубокому убеждению, возможно модифицировать для уровняь группового и индивидуального массового сознания и использовать для планомерного осуществления уже в ближайшее время столь необходимых нашему обществу просветительских мировоззренческих диалогов.

© Писманик М.Г., 2010